

ВОЙНА 1812 ГОДА В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

*М.-П. Рей**

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ И ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Отечественная война столкнула две империи, противоположные друг другу во всем: в политическом устройстве, типе экономико-социального развития, укладе жизни (уже городском в империи Наполеона и еще сельском в царской империи), отношении к религии (Россия была тесно связана с православием, тогда как Франция, наследница революции 1789 г., начинала отдаляться от христианства). Но противоположность не предполагает враждебность и конфликт. Русские элиты были франкофильскими и франкоговорящими с XVIII в. В конце того же XVIII в. Павел I наметил пути сближения с Францией периода Консулата, а в 1807 г. Наполеон в Тильзите подписал мир «со своим братом Александром». В этом очень специфическом контексте интересно попытаться проследить цепочку событий, которые привели к катаклизму 1812 года – к той войне, что унесла в Европе больше всего человеческих жизней за всю историю XIX в. Попробуем же ответить на вопрос, каковы были геополитические и политические цели конфликта с обеих сторон, а также его последствия и полученный эффект.

Чтобы найти ответ на этот ключевой вопрос, мы разделим данное исследование на три части. В первой осветим цели Наполеона накануне кампании и его взгляд на Русскую империю. Во второй рассмотрим русскую точку зрения, обращая внимание на политические и геополитические цели, которые преследовал Александр I в войне 1812 года. Наконец, в заключении скажем о последствиях Отечественной войны, подчеркнув геополитическое значение германской и французской кампаний, которые

* Мари-Пьер Рей, директор Центра славянских исследований университета Париж I.

привели к тому, что в марте 1814 г. император Александр вошел в Париж во главе армий коалиции.

Наполеон и Россия: цели кампании 1812 года

Прежде чем говорить о целях, которые преследовал французский император, начиная кампанию в июне 1812 года, остановимся на взгляде Наполеона на Россию.

Недоверие к России как государству

До 1805–1806 гг. Россия не входит в сферу основных интересов французского императора. Он воспринимает ее в меньшей степени как самостоятельную державу и в большей – как элемент той военной и дипломатической игры, которую он ведет с Англией. Накануне сражения при Аустерлице он пишет Талейрану, тогда министру иностранных дел: «Возможно, завтра нам предстоит очень серьезное сражение с русскими; я многое сделал для того, чтобы этого избежать, ибо в противном случае будет лишь зря пролита кровь. Я состоял в переписке с российским императором: из нее я вынес лишь убежденность в том, что это храбрый и достойный человек, идущий на поводу у своего окружения, которое продалось англичанам»¹.

Однако с 1806–1807 гг. его суждение становится более негативным. Император упрекает русских в «неуемных амбициях»² и сожалеет об агрессии России против Польши, Османской империи и Персии. Он возвращается к мысли, что со времен «завещания Петра Великого» (на самом деле ложного документа, сфабрикованного французской дипломатией на основе польского текста³), русские вынашивали макиавеллиевский план мировой экспансии, который оправдывает вступление в войну против них. Наконец, параллельно с этим он без стеснения использует пугающий образ отсталой и примитивной империи: в январе 1807 г. он, говоря о русских, упоминает «тму фанатиков и варваров», которые покушаются на «цивилизованную Европу»⁴. Тильзит немного меняет расклад. Союз, которого Наполеон хочет добиться от своего «брата Александра», способствует изменению статуса России, а также отношения к

¹ *Napoléon Bonaparte. Correspondance générale publiée par la Fondation Napoléon. P., 2008. Vol. 5. № 11138. P. 869.*

² *Bulletin de la Grande Armée. № 50–51. Varsovie, le 11 janvier 1807.*

³ По поводу завещания Петра Великого, см. ценное исследование Елены Журдан: *Jourdan E. Le Testament apocryphe de Pierre le Grand, Universalité d'un texte (1794–1836) // Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin. 2004. Printemps.*

⁴ *Message de Napoléon rédigé le 29 janvier 1807 à Varsovie, pour la convocation exceptionnelle du Sénat le 17 février // Correspondance de Napoléon Ier. P., 2006. Vol. 14. № 11722.*

ней французского императора. Отныне волей Наполеона, который дарует ей щедрый договор о содействии и дружбе, Российская империя становится привилегированным партнером Франции.

Но в то же время разногласия, которые разделяют французов и русских, а именно – французское влияние в Германии, польский вопрос, статус Константинополя и русское влияние на Балканах, свидетельствуют о том, что Наполеон все еще хочет удерживать Россию на периферии европейского континента. Он желает отодвинуть Россию к северу – откуда пожелание, чтобы она завладела Финляндией в ущерб Швеции, что и будет сделано в 1809-м, – но особенно к востоку. Отправленный в Париж на следующий день после подписания Тильзитского мира посол Толстой так напишет царю: «Взгляды Бонапарта на наш счет очевидны. Он хочет сделать из нас азиатскую державу, столкнуть нас к нашим старым границам...»⁵

Противоречивая позиция Наполеона, рассчитывающего сделать из России союзника в Европе, отрицая, однако, ее европейскую природу, и одновременно отгеснить ее к северу и востоку, оказывается мало пригодной и не сохранится надолго. Накануне кампании 1812 г. император отказывается от такой позиции, и русофобские публикации вновь завоевывают его поддержку. Таковым было одно из анонимных изданий, опубликованное в 1812 г. историком и публицистом Шарлем-Луи Лезюром под названием «Рост русского могущества от его истоков до начала XIX века»⁶. Подчиненный Талейрана в Министерстве иностранных дел, Лезюр выдвигает злобные обвинения в адрес России. Уже во вступлении он взывает к «доброму гению Европы», чтобы остановить «опасный рост этой европейской страны». Он поднимает тему России как опасной державы, развитие которой нужно любой ценой остановить, так как «она появляется в Европе с намерением властвовать там»⁷. Наконец, на многих страницах он неустанно изобличает варварство русских людей, например, когда утверждает:

«Но русский народ не воспользовался ни своими несчастьями, ни своими успехами, ни беспорядком, ни завоеваниями. Ему осталось от господства, которое он пережил, от уроков, которые он получил, от его собственных усилий только грубость дикаря в сочетании с пороками развращенного человека»⁸.

⁵ Цит. по: *Paléologue M. Alexandre Ier, un tsar énigmatique*. P., 1937. P. 68.

⁶ *Des progrès de la puissance russe depuis son origine jusqu'au commencement du XIXème siècle*. P., 1812.

⁷ *Ibid.* P. 461.

⁸ *Ibid.* P. 457.

Одновременно и по мере того, как количество тем для разногласий между двумя странами в 1810–1812 гг. увеличивается и конфликт кажется неизбежным, Наполеон начинает его оправдывать рядом целей, которых ему нужно достичь.

Амбициозные цели

Несколько раз Наполеон заявит о своем желании вести рациональную и «политическую» войну, цель которой покончить с Россией – сторонницей Англии, чтобы лучше бороться против коварного Альбиона, который остается его основным врагом. Так, в письме к Фуше, который считает экспедицию в Россию пугающей и опасной, он отвечает весной 1812 г.: «Испания падёт, как только я уничтожу английское влияние в Санкт-Петербурге. [...] Не волнуйтесь; смотрите на войну с Россией как на войну во имя здравого смысла, настоящих интересов, покоя и безопасности всех»⁹.

К геополитическим целям добавляются идеологические, когда Наполеон утверждает, что хочет вести войну цивилизации против русского варварства, которое помешало бы ему осуществить свою мечту об объединении Европы под французским господством:

«Мое предназначение не выполнено. Я хочу завершить то, что только намечено. Нам нужен европейский кодекс, европейский кассационный суд, единая валюта, единые меры и веса, единые законы. Мне нужно сделать из всех народов Европы единый народ, а из Парижа – столицу мира»¹⁰.

Наконец, иногда он высказывает намерение войти в Россию, чтобы восстановить Польское государство в ущерб России и Пруссии. Отсюда его известная речь о Второй польской войне.

Итак, мы видим, что задачи Наполеона довольно расплывчаты, но сводятся к одной цели: покончить с Россией, которая, похоже, так или иначе препятствует его плану изменения границ европейского континента под эгидой Франции.

Но что же царь? Каков его взгляд на Францию и на намечающийся конфликт?

⁹ Mémoires de Joseph Fouché, Duc d'Otrante, Ministre de la Police générale. T. 2. Bruxelles, 1825. P. 70.

¹⁰ Ibid.

Александр I и приближающийся конфликт

Александр I нехотя вошел в альянс с Францией, который считал чрезвычайно вынужденным и хрупким.

Сближение, вызванное исключительно обстоятельствами

Александр считал альянс с Францией дорогостоящим. Ему пришлось признать превосходство Франции в Центральной Европе и на Балканах и принять, вместе с Великим герцогством Варшавским, конституцию эмбриона Польского государства, находящегося под французским влиянием. Он был вынужден согласиться соблюдать Континентальную блокаду, несмотря на то, что Англия была главным экономическим партнером России. Кроме того, он считал этот альянс хрупким и исключительно вызванным обстоятельствами. Для него русские и французские интересы не совпадали. Наполеон оставался тираном, которого нужно будет постараться победить, как только представится возможность, так как нетолимые амбиции Наполеона представляют опасность для принципов легитимности и баланса сил в Европе, приверженцем которых был Александр I. Через год после Тильзита, в августе 1808 г., готовясь к отъезду в Эрфурт для второй встречи с Наполеоном, он пишет своей матери Марии Фёдоровне письмо, недвусмысленно говорящее о его состоянии духа:

«Наши интересы вынуждают нас в последнее время заключить тесный альянс с Францией; мы сделаем всё, чтобы доказать ей нашу искренность, благородство наших поступков. Нужно, чтобы Франция поверила, что ее политический интерес может совпадать с интересом России; как только у нее исчезнет эта вера, она будет видеть в России только врага, которого ради своих интересов попытается уничтожить»¹¹.

В конце 1811 г. после конфликта, связанного с принятием указа, увеличившего пошлину на французские товары, и кризиса, связанного с герцогством Ольденбургским, Александр I готов к тому, что конфликт вспыхнет с минуты на минуту. В ноябре 1811 он сообщает в письме своей сестре Катерине: «Мы все время настороже: все обстоятельства настолько щекотливы, отношения так натянуты, что военные действия могут начаться в любую минуту»¹². Немного позже, в январе 1812 г., он

¹¹ Александр I – Марии Федоровне, 13 (25) августа 1808. – Цит. по: *Daria O. Alexandre Ier, prince des illusions*. P., 1973. P. 183.

¹² Цит. по: *Николай Михайлович, великий князь*. Переписка императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1913. С. 57.

признается ей, что остается «начеку, более чем когда либо, так как горизонт темнеет все сильнее»¹³. В это же самое время страна готовится к войне на всех фронтах – политическом, военном и дипломатическом.

Интенсивные приготовления

Российская империя развивает бурную дипломатическую активность, особенно в направлении Англии, Швеции, находившейся под властью Бернадота, и Османской империи, чтобы как можно быстрее подписать с ней мир и располагать войсками, задействованными в войне против турок. Эта дипломатическая деятельность сопровождается интенсивными военными приготовлениями: в течение этих ключевых месяцев русская армия реорганизована по плану военного министра Барклая де Толли. Ее личный состав значительно увеличен, улучшилось качество его подготовки.

Наконец, Александр не упускает из виду и общественное мнение: начиная с 1811–1812 гг., он устанавливает цензуру, поддерживает публикацию журналов и памфлетов националистического и франкофобского толка, а также назначает на ключевые места людей, известных своей нелюбовью ко всему галльскому. Таков, например, граф Ростопчин, назначенный в марте 1812 г. генерал-губернатором города Москвы. Александр I опасается симпатий, которые Наполеон, дитя века Просвещения и Французской революции, мог вызывать у русской элиты. Речь идет о том, чтобы отныне и впредь сплотить общественное мнение в патриотическом порыве против Наполеона, чтобы как можно быстрее упрочить священный союз народа и его государя. Только он позволит одержать верх над опасным врагом и победить в войне. Это жизненно важная цель, так как от ее достижения зависят сохранение империи, независимость и суверенитет России.

Однако для Александра I война 1812 года вписывается в глобальную перспективу, выходящую далеко за рамки франко-русских отношений. Действительно, ставкой в 1812 году является место России в Европе.

Глобальные цели

Многим высокопоставленным офицерам русского Генерального штаба отступление Наполеона и жалкое возвращение во Францию Великой армии, личный состав которой уменьшился до одной десятой части от изначального, казалось в середине декабря 1812 г. достаточным, чтобы говорить о русской победе. В таком контексте не

¹³ Там же. С. 62.

было необходимости продолжать войну по другую сторону Немана. Кроме того, по мнению некоторых, таких как Кутузов, полный крах французского императора был выгоден не России, а Англии, которая присвоила бы себе все преимущества от этого. Сторонники подобного мнения считали, что будущие и настоящие интересы России находятся не в Европе, а в Османской империи, на Балканах и в Азии. Но Александр не разделял эту точку зрения. Для него, как хорошо показано в последней работе Доминика Ливена¹⁴, обеспечение безопасности России требовало дальнейшего продвижения в немецкие земли, затем во Францию, чтобы раз и навсегда покончить с Наполеоном. По мнению российского императора, Наполеон, потерпев поражение, но будучи не окончательно повержен, рано или поздно перевооружится и снова пойдет в наступление. Кроме того, в середине декабря 1812 г. на международной арене сохранялась неопределенность, в частности, относительно польского вопроса. Поэтому нужно было воспользоваться слабостью Франции для достижения двух целей: отбросить французские полки за Рейн, обеспечив длительную безопасность Российской империи, и окончательно освободить Европу от французского тирана, чтобы радикально перестроить континент в соответствии с новыми ценностями. 23 ноября, обращаясь к Ростопчину, царь воздал должное принесенным москвичами жертвам и утверждал, что «Россия, ущербом, который она понесла, приобрела себе спокойствие и славу спасителя Европы»¹⁵. Месяцем позже в Вильне 12 (24) декабря, в день своего тридцатипятилетия, Александр I сказал Кутузову, что «он спас не только Россию, но и всю Европу»¹⁶.

К этому моменту Александр I рассматривал войну 1812 года уже в европейской перспективе, а не только в национальной. Целью отныне было не только ниспровержение Наполеона, но план возрождения и реконструкции Европы, что побуждало Александра к продолжению войны.

Каким бы логичным и последовательным ни был план Александра I продолжить войну 1812 года за пределами империи, он вызывал колебания в окружении царя и у элит. Для некоторых, таких как адмирал Шишков, несмотря на его нелюбовь ко всему галльскому, это предприятие представлялось опасным и дорогостоящим как в плане человеческих ресурсов, так и в плане экономическом. Считалось, что приоритет должен быть отдан восстановлению страны, опустошенной войной. Румян-

¹⁴ См.: Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1914. М., 2012.

¹⁵ Указ Александра I от 11 (23) ноября 1812 г. // Казанские известия. 1812. № 48. 30 ноября.

¹⁶ Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. СПб., 1897–1898. Т. 3. С. 134.

цев, министр иностранных дел, также видел в этом проекте предприятие рискованное, не отвечавшее настоящим интересам России, которые, по его мнению, связаны с Османской империей и с Азией. Другие оспаривали легитимность альянса с Пруссией и ратовали за то, чтобы отнять у нее польские провинции. Мнение Кутузова было неоднозначным¹⁷: в приватном разговоре с адмиралом Шишковым, о котором последний сообщает в своих мемуарах¹⁸, генерал-фельдмаршал враждебно высказался о продолжении боевых действий, считая, что новая война будет выгодна только Англии. Однако в рапорте Александру I, написанном в середине декабря (по старому стилю), он поддержал возобновление наступления после перерыва на отдых для армии. 15 (27) декабря в речи перед своими войсками Кутузов заявил:

«Уже нет ни единого неприятеля на лице земли нашей. Вы по трупам и костям их пришли к пределам империи. Остается еще вам перейти за оные, не для завоевания или внесения войны в земли соседней наших, но для достижения желанной и прочной тишины»¹⁹.

Однако Александр I не принимал во внимание эти колебания, убежденный, что ему необходимо, с одной стороны, реализовать меры коллективной безопасности в Европе, с другой – работать над обновлением европейского континента.

Геополитические последствия войны

Война 1812 года имела для Российской империи серьезные последствия в территориальном и геополитическом плане.

Геополитические выгоды и дивиденды

Одержав победу, Россия выступила одним из ведущих участников переговоров сначала о двух Парижских мирных договорах (1814 и 1815 гг.), затем о Венском договоре, который определял до 1914 г. карту Европы и ее границ. Нужно подчеркнуть, что Россия извлекла выгоду из завершения наполеоновской эпопеи. Ее последние завоевания – Финляндия, отнятая у Швеции, и Бессарабия, отнятая у Османской империи, – были подтверждены. Своей победой и ценой огромных жертв, связанных с войной, Александр I добился создания Царства Польского, которое было связано дина-

¹⁷ См.: *Безотосный В.М.* Наполеоновские войны. М., 2010. С. 234–235.

¹⁸ *Шишков А. С.* Записки, мнения и переписка адмирала Шишкова / Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина. Берлин, Прага, 1870. Т. 1. С. 167–168.

¹⁹ Цит. по: *Безотосный В.М.* Указ. соч. С. 234.

стической унией с Россией и которому он вскоре предоставил конституцию и широкую автономию. Но для царя если и были важны эти завоевания и территориальные приращения, все же одних их ему было не достаточно, так как он стремился к реконструкции Европы на новых основаниях.

*Европейская мечта Александра I:
лига миролюбивых христианских государств*

Отечественная война – это долгий крестный путь императора России, который завершил его внутренне глубоко преображенным. Вновь открыв для себя Бога в момент катаклизма 1812 г., став отныне верующим, если не сказать мистиком, он находился во власти мысли о своей ответственности перед Богом и мечтал открыть новую эру – эру братского и христианского согласия европейских государей. Исходя из этого экуменического подхода, Александр I предложил в июне 1815 г. прусскому и австрийскому монархам заключить Священный союз. Подписанный ими 14 сентября текст подчеркивал необходимость укрепления в соответствии с принципом христианского человеколюбия братских отношений между тремя монархиями – католической, протестантской и православной, принадлежащими к «христианской нации». Этот проект не возник внезапно в 1815 г. и не родился из ничего. Еще в 1804–1805 гг. у Александра I возникло намерение разработать настоящий европейский проект, способный прийти на смену Европе Наполеона, то есть Европе, управляемой силой и находящейся под французским господством.

Осенью 1804 г. Александр приходит к убеждению, что его армии недостаточно для победы над Наполеоном. Победить его можно смелыми и новаторскими идеями, отняв у неприятеля и присвоив себе «самое могучее оружие французов, до сих пор еще составляющее в их руках угрозу для всех стран и заключающееся в убеждении, которое они сумели внушить всему миру, что они действуют во имя свободы и блага народов»²⁰.

При помощи Адама Чарторьского, министра иностранных дел с 1804 г., Александр разработал европейский проект и, чтобы убедить британского премьер-министра Питта поддержать его на этом пути, направил в Лондон тайного эмиссара, графа Николая Новосильцева. Последний получил накануне отъезда сопроводительный лист в форме секретных инструкций²¹, содержащих детальное изложение европейского проекта Александра I.

²⁰ Цит. по: Mémoires du prince Adam Czartoryski et Correspondance. P., 1887. Т. 2. P. 29.

²¹ Текст Секретных инструкций воспроизведен полностью в кн.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. 1. Т. 2. М., 1961. С. 138–151; Mémoires du prince Adam Czartoryski et Correspondance. P. 27–45.

В Секретных инструкциях речь идет прежде всего о политических вопросах, на тот момент самых острых. Царь затрагивает вопрос о странах, находящихся под французской опекой. По поводу Сардинии он высказывается в пользу восстановления на престоле короля, но желает общего согласия, чтобы Россия и Англия обязали короля «дать своему народу либеральную и мудрую конституцию». В отношении Швейцарии и Голландии речь идет о том, чтобы гарантировать их существование и политическую организацию, которая, требует царь, была бы создана «в соответствии с волей нации».

В отношении Франции Александр I сразу же оговаривал, что, будучи далек от мысли об установлении там абсолютной монархии, русско-британский альянс, чья главная цель избавиться от «ига Бонапарта», должен будет всеми силами поддерживать и гарантировать свободу, которую уже познал французский народ. Этот момент важно подчеркнуть: для Александра I ни память о Французской революции, ни завоевания Наполеона не должны быть забыты. Такая позиция человека, унаследовавшего четырем годами ранее самодержавный трон, может удивить, но она не вызвана обычным оппортунизмом. Для молодого императора, воспитанного в духе Просвещения швейцарским республиканцем Фредериком Сезаром Лагарпом, являвшимся его наставником в течение более десяти лет, речь шла о том, чтобы использовать наследие Французской революции не только для победы над Наполеоном на его собственном идеологическом поле, но и для глубокой реорганизации европейского континента.

Подчеркивая, что силы коалиции «не желают ничего другого, кроме как освободить Францию от деспотизма, под которым она стонет, дать ей свободный выбор правительства, которое она сама захочет иметь», он заявляет о готовности учредить во Франции конституционную монархию, если последняя вызвала бы благосклонность французов. Затем он распространяет свои рассуждения на другие европейские страны, выступая с речью в защиту государственных режимов, соблюдающих «священные права человечества».

В геополитическом плане Секретные инструкции представляются новаторскими, поскольку выводят на первый план концепт европейской федерации.

Европейская федерация, которую царь стремится создать, должна строиться на уважении к правам людей и вписываться в «договор, который станет основой международных отношений европейских держав». Этот договор мог бы положить начало «союзу, постановления которого

образовали бы нечто вроде нового кодекса международного права. Получив санкцию большинства европейских держав, он мог бы легко сделаться обязательным для всех правительств, тем более если его нарушение будет сопряжено с риском вызвать вооруженный протест нового союза»²².

Этот отрывок свидетельствует о новаторском характере европейского проекта Александра I. Идея мирного союза европейских наций, в котором обращение к третьей стороне посредничеству и переговорам носили бы систематический характер и где поддерживались бы определенные общие политические ценности, – идея о том, что решения, принятые этим союзом, пришли бы на смену национальному праву, и, наконец, намек, пусть даже очень скромный, на создание объединенных военных сил различных наций, вошедших в союз, – все это свидетельствует о провидческом подходе Александра I к международным отношениям.

Наконец, к его геополитическим, по сути, рассуждениям добавляются рассуждения прагматического характера.

Александр I настаивает, во-первых, на необходимости сформировать государства, которые возникнут после падения Наполеона, в их естественных географических границах, и содействовать их национальной однородности. Образованные по этим принципам государства должны будут заботиться о поддержании между собой «естественного равновесия», и для этого нужно будет, по мнению царя, поощрять создание, наряду с крупными державами, «государств второго порядка», которые будут призваны служить эффективным противовесом крупным державам. Понятия равновесия и противовеса имеют в данном случае ключевое значение. Именно в этой перспективе Александр I высказывается в пользу образования конфедерации немецких княжеств (которая должна была быть независимой от Австрии и Пруссии), а также в пользу итальянской федерации.

В течение трех месяцев Новосильцев пытался убедить британские власти в том, что планы Александра I интересны и актуальны, однако его миссия провалилась. Питт скептически отнесся к русскому проекту европейской системы, кратковременным результатом которого стал лишь военный альянс вполне классического типа, созданный в начале 1805 г.

Европейский проект тогда провалился, но десятью годами позднее возродился в иной форме. Насколько в 1804–1805 гг. проект европейской федерации был светским и политическим проектом, без религиозной составляющей, настолько в 1815 г. европейский проект изменил свою при-

²² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сер. 1. Т. 2. С. 35.

роду. В результате идейной эволюции государя он окрашивается теперь в религиозные тона. Однако этот проект не такой уж реакционный и консервативный. В 1815 г. для Александра I Священный союз совместим с либеральным и конституционным принципом, и не случайно в одно и то же время царь дарует конституцию Царству Польскому и подталкивает Людовика XVIII даровать французам конституционную хартию, а вскоре предложит Франции Бурбонов примкнуть к его Священному союзу...

Годом позже, в 1816 г., Александр предлагает британскому премьер-министру лорду Каслри переговоры по соглашению об общем разоружении. Но это предложение, будучи слишком новаторским, получает отказ. В дальнейшем, как развитие международной ситуации, ознаменовавшейся подъемом либерального и национального движений, так и эволюция личности царя, который все больше становился консерватором, приведут к пересмотру основных планов 1815–1816 гг., из которых не выйдет ничего конкретного. Но несмотря на их провал, эти планы свидетельствуют о новой реальности: война 1812 года сделала из России весьма могущественную державу.